Старый ‘Залос

Комната была большой, но скромно обставленной, практически пустой по меркам большинства свободных людей. Пол был выложен полированным мрамором, чистым и незапятнанным прожилками драгоценных камней. Из мебели была лишь массивная кровать из кипариса и небольшие столики из того же дерева, сама мебель была аккуратной, но отличалась отсутствием украшений. Здесь не было ни картин, ни статуй, ни священных сокровищ. Это было самое скромное жилище, какое только может быть у человека.

Но это не меняло его сути. Отсутствие неприкрытого величия не делало его менее сильным. Не менее его. Реакция на незваных гостей здесь была такой же, как и в самом роскошном поместье.

— Я убью тебя, Овод, — пообещал Полизалос человеку, вторгшемуся в его владения. Это было оскорбление, которое не потерпел бы ни один Тиран достойный своего звания, в конце концов.

Ведь владения Тирана – это трон его души.

— И тебе добрый вечер, ‘Залос, — сказал Сократ, сбрасывая с плеч тяжесть недовольства Тирана. — Я пришёл поторговаться.

Овод, вредитель среди вредителей, вошёл во владения Полизалоса так же нагло, как и всё остальное, что он делал, и, не глядя, прошёл мимо кровати и столов, направляясь на открытую террасу. То, что он ни на секунду не замешкался, было единственной причиной, по которой Полизалос не убил его на месте.

Но желание было сильным. Оно всегда было.

— Мне нечего тебе дать, и у тебя никогда не было ничего, что стоит желать, — отмахнулся тиран от философа.

Праздно, в другом месте и в другой части себя, Держатель-Поводьев слушал через уши своих верных теней, как они уходят выполнять свою тёмную работу. Эти части себя, осколки Тирана, которым был Алый Полизалос, существовали в его восприятии так же, как и тени, которые они олицетворяли. Силуэты без истинных деталей. Впечатления и шепчущая полуправда.

Этого было достаточно, чтобы понять, когда его Воро́ны выходят на охоту. Остальное откроется ему, когда тени его вновь соберутся в единое целое. Разумеется, это только при условии, что их вначале не сожрут.

— К счастью для нас обоих, ничто является именно тем, ради чего я пришёл сюда, чтобы поторговаться, — сказал Сократ, сидя со скрещенными ногами на мраморном полу, прислонившись спиной к каменным перилам террасы.

— Договорились. А теперь убирайся.

— Так нельзя обращаться с гостем.

Полизалос приостановил свою работу, и наблюдение за его тенями, и смерил Овода напором своего авторитета. Сократ смотрел ему в глаза достаточно долго, чтобы высказать свою бесполезную точку зрения, прежде чем позволить своей голове склониться.

— Ты не был моим гостем уже более трёхсот лет, — сказал истинный Тиран Пылающего Заката, и его убеждённость сделала это правдой. В этих простых стенах и на этом мраморном полу, слово Первого-чтобы-Сгореть было естественным законом.

И всё же Сократ нашёл в себе силы выйти за пределы этого нового естественного порядка и, как и всегда, сделать из себя проблему.

— Что бы подумал наш отец на небесах, если бы он услышал, как ты так бессердечно пренебрегаешь ксенией?

Наступала ночь, отбрасывая тени в комнате. Полизалос протянул руку с кристаллизованным устремлением своей прожорливой души и из ничего создал что-то, выжигая из небытия несколько закатных фонарей, которые, как светлячки, порхали в его владениях. Руками он окунул чистую тряпку в таз с водой и выдавил её, аккуратно вытряхивая большую часть влаги.

— Больше не осталось богов, чтобы карать за такое, — сказал он, взяв её руку в свою и принимаясь за работу влажной тряпкой.

— Неужели это так? Ты действительно в это веришь?

— Более или менее.

В это время разница была невелика.

— Тогда пренебрегая пантеоном, — сказал Сократ, снимая с себя пояс за поясом и бросая их на ветер. — Что бы ты подумал, триста лет назад, увидев себя сейчас? Услышав свой собственный голос, произносящий такие бесчестные слова?

— Я бы не подумал ничего стоящего. В те времена я никогда не думал ничего стоящего.

— Если не боги и не ты вчерашний, то неужели ты сегодняшний – единственный арбитр морали? Как ты можешь знать, что завтрашний ‘Залос будет с тобой согласен? Если весь мир говорит тебе…

— Не сегодня, — просто сказал Полизалос, использовав вес своего стремления. За пределами своих владений он должен был бы проявить для этого свою пневму. Но здесь, сидя на скромном троне своей души, ему стоило лишь пожелать этого.

И оно стало его.

Овод закрыл рот, и это стоило каждой унции этоса*, которую Полизалос потратил для достижения этого. Он снова опустил ткань в таз с водой, ещё раз отжав её.

Увы, ничто хорошее не вечно: «Тогда я буду краток».

— Будешь ли? — размышлял Первый Сын чтобы Сгореть, откидывая назад золотистые волосы того же оттенка, что и его собственные, и смачивая её лоб. — Даже в моих владениях я не думал, что увижу этот день.

— Я принял мальчика.

Он усмехнулся: «Избавь меня от своих личных подробностей».

— В ближайшее время я буду следить за его развитием, так что будь готов увидеть его в окрестностях Бушующего Неба. Я не хочу, чтобы он был втянут в текущие планы.

Влажная тряпка остановилась, прижавшись к её правой щеке.

— Как его зовут?

— Он называет себя Солус. Но его спутник зовёт его Сол.

Полизалос оглянулся на высокомерного Овода: «Ты искушаешь судьбу, мальчишка».

Сократ насмешливо хмыкнул: «Три десятилетия больше не такая большая разницы как раньше. Мы теперь оба старики, я, всего лишь, решил выглядеть соответствующе».

— Эти дети откусили кусок от моего влияния, — пояснил Полизалос, потому что мир был странным местом, и в прошлом он встречал более мудрых людей, которые были менее осведомлены о более очевидных вещах. — Они извратили природу моих теней и использовали их украденную силу, чтобы сделать то же самое с моими сверстниками. Даже если бы я помиловал их, другие не станут. — Особенно когда эти голодные Во́роны пресекли все их попытки привести их заблудших Героев в строй.

Тираны были жадными существами. Они уже жаждали сверх всякой меры, тех, кто стремился отнять у них ещё больше, ждала та же участь, независимо от того, на чьи пятки они наступали. В конце концов, что ещё может сделать голодный лев, когда его провоцирует падальщик?

— Почему ты думаешь, что мальчики, о которых я говорю, – это те же самые мальчишки, которые терзают твоих Воро́н? — с завуалированным любопытством спросил Сократ. Он протянул руку со своим ядовитым логосом, как будто Полизалос не мог увидеть его, написанного на звёздах между ними.

— Я не думаю. Я знаю.

Он с тусклой усмешкой наблюдал за тем, как логос укрепляется, сворачивается в кольцо и готовится к действию. А затем он провёл своё влиянием сквозь него, смахнул его, как песок с плеча, и пресёк спор, прежде чем тот успел возникнуть.

— Ты можешь сколько угодно наматывать круги на агоре, но не здесь. Не сейчас. И уж тем более, не при моей жене. — Трижды он утвердил себя в своих владениях, и трижды это было сделано действительностью.

Он ещё раз окунул свою ткань в мерцающий таз и вернулся к своим обязанностям. В прекрасной пуховой постели его жена продолжала спать сном без сновидений.

— Я пришёл сюда, намереваясь быть вежливым, — хмурясь, сказал Сократ и, потянувшись в складку логики, замаскированную как ткань, достал оттуда кувшин с сильным кикёином. Его запах пропитал владения Полизалоса, и он понял, что это не случайность, что это тот же самый сорт, что он подавал юноше, искавшему понимания более трёхсот лет назад. Тогда, когда он ещё правил Алым Городом.

Когда заходящее солнце ещё принадлежало ему.

— Как учёный может быть не вежливым в присутствии короля? — размышлял Полизалос. — Но пусть будет так. Я тебе подыграю – где ты собираешься держать этого мальчишку?

— Так получилось, что недавно освободилось одно поместье, — сказал Сократ, пожав плечами и отпив из кувшина вина. Он медленно сглотнул, наслаждаясь вкусом.

Затем он скривился, с мимолётным беспокойством, когда Полизалос выжег Храбрость из его души.

— Что?

— Я дал мальчику место, где он сможет научиться уму-разуму вдали от посторонних глаз – и предрассудков людей, считающих, что они знают лучше всех.

Влажная ткань сгорела в пепел в его руках, и вскоре пепел тоже сгорел. За пределами спальни, на самых дальних границах его владений, члены фракции культа Пылающего Заката в Олимпии бросили все свои дела и двинулись. А вот куда – к нему или прочь – зависело от конкретного человека.

Конечно, он видел, как Сократ привёл мальчика в поместье кириоса в самом центре Каукосо Монс. Это не выходило за рамки обычных привилегий Овода, как доверенного лица покойного повелителя Культа Бушующего Неба. Но убежище на одну ночь – это одно дело, а длительное проживание – совсем другое: «Ты намерен оставить его там? В сердце горы, где спят Оракулы? С моей дочерью?»

Он обещал, что убьёт его, когда Овод впервые пришёл к нему, как обещал и бесчисленное количество раз до этого. Возможно, после стольких лет он наконец-то выполнит это обещание.

Сократ поднял обе руки, с некоторым усилием, сопротивляясь его этосу, и заговорил: «Я не привёл к твоему порогу Во́ронов, это я могу тебе обещать. Только мальчика, у которого больше потенциала, чем здравого смысла. Твоя дочь там же где и всегда. В безопасности».

— И почему я должен верить твоему слову? Почему я должен поверить мнению молодого глупца, вместо моего собственного?

Сократ, как и всегда, использовал логос против этоса, и это зрелище было столь же абсурдным, как и в первый раз.

— Потому что вы все балансируете на острие ножа, и даже слово молодого глупца может стать той разницей, которая поставит одного из вас выше остальных. И в отличие от твоих сверстников, каждый из которых пытается решить какой путь лучше всего соответствует их жадности, у тебя нет выбора.

Сократ развёл руками и объяснил истину мира Полизалоса, как он сам её понимал.

— Остальные могут решить. Они могут вернуться домой и вернуть себе то, что принадлежало им до того, как кириос лишил их этого, или остаться и бороться за то, что кириос оставил после себя. Но не ты, ‘Залос. Единственный выход для тебя – это забрать индиговый трон. В Алом Городе от тебя ничего не осталось. Никто не ждёт тебя там.

Никто, кроме Дэймона Этоса.

Ярость исказила закатные владения на одно микро-мгновение. За то время, что ему потребовалось, чтобы вернуть себе контроль, каждая душа в крыле Пылающего Заката Культа

Бушующего Неба упала на землю, когда из их глаз и ушей потекла кровь. Единственной, кого пощадили, была его жена. Как и всегда, храбрость заключила её в свои крепкие объятия.

— Мир снова стоит на грани насилия, — наконец произнёс он, и от ярости, звучавшей в его голосе, треснул мрамор под их ногами. — Я не потерплю ещё одной угрозы моему этосу.

— Я буду держать их в узде, — пообещал Сократ. Их. Значит он хочет включить в свою защиту и другого голодного Во́рона. Полизалос посмотрел на него, посмотрел сквозь него, просеивая свет его души и не нашёл ни одного ответа, который бы его удовлетворил.

— Ты сказал, что никогда не возьмёшь другого ученика, — наконец произнёс он, протягивая руку в пустоту и беря кувшин с вином, который принёс Сократ. Он глубоко отпил из него, вспоминая более простые времена. — Что изменилось?

Сократ вздохнул.

— Абсолютно ничего.

Полизалос допил вино в ещё два глотка и изгнал кувшин из своих владений. Он отвернулся от философа обратно к своей жене.

— Поклянись, что они не откусят больше ни кусочка от моего влияния, и знай, что если кто-нибудь из них покусится на мою дочь, я вырву их смертные нити из ткацкого станка Судьб и съем их бьющиеся сердца.

— Я клянусь. И я понимаю.

Полизалос раздражённо махнул рукой: «Ладно. Делай что хочешь».

Овод всегда это делает.

*. В качестве уточнения хочу сказать что Этос (который фамилия) и этос (который определение) – это разные понятия, между собой не связанные. Здесь виновата моя недальновидность, когда начинал переводить, так как в оригинале такой путаницы нет.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3475028